



**Станислав
Борzych**

Судьба цивилизации

18+

Станислав Борзых
Судьба цивилизации

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Борzych С. В.

Судьба цивилизации / С. В. Борzych — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта книга рассказывает о том, как появилась цивилизация, что ей предшествовало, как она развивалась и чем закончится её существование. Цивилизация не была чем-то предначертанным и предрешённым, но в силу некоторых обстоятельств её возникновение стало чуть ли не неизбежным. То же самое касается её развития и неминуемого конца. Из-за того, что люди представляют собой приматов, они реагируют предсказуемым образом на требования среды, и это отразилось в том числе на феномене городов и всего того, что с ними связано. Однако это же означает, что коллапс цивилизации уже тоже виднеется на горизонте.

Содержание

Введение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Введение

Где бы ни находилось оглавление, почти наверняка вы с ним уже ознакомились – это же первое или второе, после аннотации, что люди читают, когда решают, приобрести ли им данную книгу или нет. И почти столь же определённо вы были удивлены тем, что данная работа начинается главами, которые вроде бы никак не связаны ни с главной темой этого исследования, ни друг с другом, вообще никак не вписаны в общую картину. Тем не менее, это не так.

Понятно, что любой автор вполне сознательно – по крайней мере, в таких вопросах, которые рассматриваются ниже – располагает части так, чтобы выстроить последовательную цепочку рассуждения, обозначая порядок, который наиболее адекватно отвечает поставленным задачам. И, разумеется, эта книга не является исключением. Все её составляющие занимают своё законное место, но всё-таки необходимо объяснить, почему они там, где они есть, и такие, какие получились.

Очень часто – но, конечно, не всегда – можно услышать о том, что наши времена представляют собой нечто абсурдное, дикое, странное, искусственное, нелепое. Жизнь в современном городе очевидно контрастирует с тем, что было раньше, не говоря уже о доисторическом периоде существования человека, и это нуждается в каком-то особом обозначении, что и обозначивается в том числе в такой оценке происходящего. Но при чём тут это?

Цивилизация и её судьба – это то, что интересует всех нас. Мы действительно заинтересованы в её будущем, как и в её настоящем, и мы все желаем знать, что ею движет и куда она направляется. Но чтобы разобраться в этих вопросах надо посмотреть назад в прошлое – ради обнаружения динамики и паттернов разворачивания событий, если там таковые наблюдаются – а, кроме того, и это критично, решить другие, сопряжённые с ними, которые как раз и составляют содержание первых двух глав. Итак.

Проблема естественности давно беспокоит многие умы. Нам хочется быть уверенными в том, что мы правильно питаемся, ведём себя, одеваемся, думаем и т.д. И это далеко не праздные соображения. Вместе с тем куда существеннее не эти озабоченности, но сама ткань того бытия, в которое мы помещены. Была ли она создана нашими руками или мы только следовали своим инстинктам? Какую роль в её формировании сыграли мы сами и окружающая нас среда? Наконец, чего в нас всё-таки больше, природы или культуры? Несмотря на то, что все эти вопросы выглядят и звучат более чем убедительно, именно этого качества в них чрезвычайно мало.

Собственно, этому и посвящена первая глава. Она показывает, что наша категория искусственного, как и его противоположности, пуста и бессодержательна. Мы такие же животные, как и все прочие, а потому мы не способны на что-то большее, чем это позволяет нам наша физиология. Факт того, что мы изобрели эти термины, сам по себе ни о чём не свидетельствует, но опять же указывает на то, что даже в этом отношении мы не придумали ничего нового, потому что ожидаемо сделали то, на что были предназначены. Да, нам присуще видеть в мире классы феноменов и вещей, и мы их выделяем в полном соответствии с тем, чем мы оснащены, но нет, сами они пребывают только в нашем воображении и нигде больше.

Даже если мы и условимся – а мы так обычно и поступаем, чего-то иного нам попросту не дано – что у предметов и явлений есть некоторые характеристики, включая их естественность, мы всё равно не сумеем чётко распределить все их по данным классам. При любом раскладе останутся спорные или смешанные случаи, да и чистота вроде бы определённых и якобы явных окажется под вопросом. Однако, более того, это не надо делать в принципе.

Цивилизацию нередко называют чем-то искусственным, но загвоздка состоит в том, что это мы её так обозначаем – или нет. У нас нет прозрачных критериев – о них вскоре – по которым бы нам удалось очертить и описать весь мир, и оттого мы путаемся и допускаем ошибки,

одной из которых и выступает наше желание отнести что-то в разряд естественного, а остальное, не соответствующее в нашем представлении взятым в реальности с потолка стандартам – нет. За всем этим стоит довольно тривиальная мысль. В действительности нет ни того, ни другого, или же всё в равной степени подпадает под эти определения. И современность, как и всё, что ей предшествовало, в их числе.

Именно поэтому мы не находимся в какой-то эксклюзивной позиции, но более чем предсказуемо обнаруживаем себя наследниками того, что было до нас, что само по себе тоже более чем прогнозируемо вытекало из предыдущего опыта чуть ли не вплоть до Большого Взрыва. Нам, конечно, не обязательно уходить так далеко, но суть в том, что как один из видов мы совершали те поступки, которые более чем релевантны нашей анатомии и общему строению.

Проблема критериев несколько сложнее и, хуже всего, неразрешима как таковая. Тем не менее, без её рассмотрения обойтись никак нельзя. Соль в том, что мы должны понять, как мы оцениваем что бы то ни было, что неизбежно отсылает нас в том числе и к категории естественности – и вообще всех. Не зная, как и почему мы проводим эту процедуру, мы оказываемся бессильны в осознании того положения, в котором мы себя ныне обнаруживаем.

Этим вопросом и занимается вторая глава. Вкратце она говорит о том, что все наши шаблоны надуманны и противоречивы, а потому судить о цивилизации как о чём-то экстраординарном было бы несколько неверно. Напротив, она есть вполне предсказуемый продукт всей истории, а её развитие укладывается в рамки того, что следовало бы ожидать, если мы постулируем те условия, которые актуально существовали в разные периоды её становления. Выражаясь проще, всё и должно было быть так, как оно было, есть и будет.

Оставшиеся три главы рассказывают о нашем прошлом, настоящем и немного о том, что ещё только грядёт – но гораздо меньше. В цивилизации просматривается динамика, в ней есть вполне различные паттерны, она ведёт себя прогнозируемо и даже появляется тогда, когда это назрело – и стинет, конечно, тоже в отведённый ей срок. Собственно, этому и посвящена вся эта книга.

И ещё одно. Если вы рассчитываете получить какие-то практические советы или руководство к действию – особенно в свете того, что предмет всего этого исследования обречён – то вы совершенно определённо разочаруетесь. Хотя то тут, то там и встречаются житейские примеры, по преимуществу – как по духу, так и по содержанию – оно сугубо теоретическое, т.е. описательное. Никто ни к чему не призывает и ни на чём не настаивает, но предпринимается попытка взглянуть на нас насколько это возможно трезвым взором.

Хотя цивилизация однажды коллапсирует, и мы в состоянии это понять, предпринимать что-то по всей видимости уже поздно. У нас есть некоторое время в запасе, но ни его, ни наших ресурсов, ни, тем более, мозгов не хватит на то, чтобы остановить надвигающуюся гибель – не человечества, а того мира, который нам знаком. Логика показывает, что рано или поздно – и скорее первое, чем второе – всем нам придётся учиться жить по-новому, что бы это ни означало – а то и вовсе уйти в небытие, что, увы, не так невероятно, как кажется. У всего есть срок годности, а известный нам порядок близок к истощению своего. И хотя это грустно, иначе здесь не бывает.

Что естественно?

Как было показано выше, начать исследование цивилизации и вообще истории следует с рассмотрения вопроса о том, что является нормальным, а что – нет. Эта проблема не столь проста, как представляется на первый взгляд. Очень часто происходит так, что одно перетекает в другое, зачастую они выступают в роли двух полюсов диапазона некоего целого – потому что манихейская логика банально неверна – наконец, грань между ними обычно не столь ярко или хотя бы даже отчётливо выражена, как нам нравится думать и обнаруживать – в этом тоже состоит огромная трудность, многие критерии оценки и термины мы не столько воспринимаем,

сколько выучиваем. В общем, как правило, не всегда – в принципе в единичных случаях – очевидно, что таково, а что – нет.

Многие, как видится, естественные подходы к разрешению того, что натурально, а что искусственно – если эти категории в принципе применимы и оправданны – сами по себе нуждаются в объяснении и нередко рекурсивны в том плане, что сами покоятся на ответе на ту же самую задачу, т.е. заранее должны иметь в своей основе понимание того, что они рассматривают, а это, мягко говоря, никуда не годится. Как бы то ни было, но ясное осознание этого более или менее рукотворного разделения и его природы необходимо для того, чтобы разобраться и с нами, и с тем, что мы создали, и со многим другим, а потому оставить в стороне все эти пункты мы не имеем никакого права. Так как к ним подступиться?

Прежде всего нам требуется хотя бы предварительное обозначение того, на что обращено наше внимание. Пусть интуиция и не является удовлетворительным средством снятия проблем, кроме неё у нас пока – да и, наверное, вообще – ничего нет, и, значит, стоит прислушаться к тому, что она нам говорит. Если не быть многословным, то всё, что она заявляет, сводится к размежеванию чего-то, инициированного человеком, и того, что запущено без нашего участия или ведома. Первое, соответственно неестественно, второе – вполне ожидаемо.

Это, разумеется, очень плохое – если не сказать больше – определение. Во-первых, оно ставит во главу угла лишь один вид. Во-вторых, оно не учитывает – или принимает в расчёт всего одну, а этого слишком мало – всех систем координат, в рамках которых присутствует и оценивается изучаемый феномен. В-третьих, оно игнорирует масштаб происходящего. В-четвёртых, оно упускает из виду как явные, так и неочевидные причинно-следственные связи между вещами и явлениями. И, в-пятых – хотя скорее всего только этими возражения дело не ограничивается – в нём нет фактора времени, без которого всё наше предприятие обречено на провал.

Вопреки всем этим недостаткам – а точнее благодаря им – оно более чем функционально для того, чтобы выяснить, что выступает в интересующей тут нас роли, а что – нет. Последовательно рассматривая каждое это замечание мы сумеем прийти к более адекватному пониманию сути нормального и его антипода – если таковой имеется, а это весьма сомнительно, впрочем, обо всём по порядку, кстати, последний не так и важен, но удобнее будет начать именно с него – так что продолжим.

По сути, первое нарекание – это антропный принцип, но выраженный несколько иначе. Какую бы его версию мы ни взяли – есть слабая и сильная, однако содержательно они почти идентичны – мы обнаружим вокруг – если, конечно, нам однажды не повезёт, что крайне маловероятно – отсутствие альтернатив наличному бытию. Т.е. мы увидим обитаемую планету в так называемом поясе Златовласки с жидкой водой и собой в качестве наблюдателей – именно поэтому такое название. Казалось бы, это трюизм, который не стоило и озвучивать, но есть ряд причин, по которым это далеко не так, а потому нам нужно отнестись к нему со всем должным почтением. Итак.

Вне зависимости от того, нужны Вселенной разумные существа, конкретно мы или просто живые организмы, а также была ли она, как это порой – и, увы, не так редко, как стоило бы – утверждают, тонко настроена под всё вышеперечисленное или же нам всего лишь повезло оказаться в таком её состоянии, никто не станет отрицать того, что это люди смотрят по сторонам, как-то это воспринимают и некоторым образом осмысливают – если делают это вообще. Всё это выглядит тривиально, однако за этим банальным утверждением, тем не менее, кроется нечто критичное, что зачастую либо сознательно, либо нет упускается. Что же это такое и почему оно столь существенно? Один пример поможет нам в этом разобраться.

Задумывались ли вы когда-нибудь о том, как астрономы выяснили строение нашей солнечной системы? На ум сразу приходят телескопы – если вы более или менее продвинуты в этом, то понятно, что сугубо визуальными наблюдениями дело не ограничивается – и observa-

тории, а, кроме того, зонды, искусственные спутники, сложные вычисления и много чего ещё. Вроде бы ничего такого. Но теперь задайте себе следующий вопрос – как отличить далёкую планету от звезды, учитывая то, что выглядят они для нас с Земли более или менее – яркость всё же отличается, но об этом ниже – одинаково?

Разумеется, у этих специалистов есть ответ и даже не один. Существуют химические спектрографы – они определяют соответствующий состав небесного тела – техники, позволяющие не путать их, сложная математика, прошлый опыт и т.д., так что никакой проблемы нет, а все наши опасения лишены оснований. Тем не менее, ничто из этого её не снимает, потому что фундаментально мы продолжаем быть людьми, и, значит, нам доступны только те факты – они таковы исключительно для нас, но не обязательно сами по себе, если последнее имеется в принципе – которые мы способны зафиксировать, и никакие более – помимо прочего, есть ещё вопрос интерпретации, но оставим его до следующей главы.

Никто не станет спорить с тем, что доказательством правоты могут быть не только непосредственные наблюдения или включённость в процесс, но и опосредованные выводы и умозаключения. Как бы то ни было, но до сих пор люди своими глазами видели лишь саму Землю – и ту далеко не всю, скажем, исследованность мирового океана составляет от силы один процент, не говоря о недрах и других недоступных местах и средах – а также Марс, Венеру и Луну – там побывали либо мы сами, либо наши вездеходы с камерами – и в гораздо меньшей степени Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун – Плутон лишён данного статуса. Что касается более дальних объектов, то о них мы судим по косвенным свидетельствам, ведь прямые нам не даны.

Усугубляет ситуацию колоссальные временные сроки, характерные для закоулков нашей системы – не упоминая других галактик – из-за которых мы вынуждены экстраполировать замечаемые нами тенденции и паттерны на огромные сроки, а, кроме того, свою лепту вносят оптические и гравитационные искажения, конечность скорости света, чудовищные расстояния во Вселенной и т.п. По факту вопросов больше, чем ответов, хотя всё преподносится иначе – не всеми, но рьяными сторонниками всемогущества нашего разума.

Не стоит наивно полагать, будто человеческий гений настолько велик, что он в состоянии решить все эти и не перечисленные – которых почти наверняка больше, знаем мы прискорбно немного – проблемы. Мы слишком малы для того, чтобы судить о величии космоса, который мы вряд ли когда-нибудь покорим, что бы это ни значило. Изображения почти всех планет носят более или менее условный характер, и это даже оставляя за скобками те, что обращаются вокруг прочих светил – всё, что там есть, это фантазия художника, не более того.

В общем и целом, нам надо признать, что любые наши реконструкции, касающиеся устройства как нашей солнечной системы, так и галактики, а также, естественно, более крупных объектов в лучшем случае приблизительны, поверхностны, предположительны, а в худшем и вовсе неверны, а то и ложны. Это не мешает нам совершенствовать их и работать дальше, но мы не должны излишне верить им, но понимать их гипотетическую природу. Однако какое отношение это имеет к антропному принципу и к категории нормы? Более прямое, чем представляется н первый взгляд – и этот рефрен вы встретите ещё не раз, настолько он универсален.

Спустимся с небес на землю. Скажем, у нас только три типа фоторецепторных клеток в наших глазах, тогда как у некоторых насекомых и птиц их больше – есть, конечно, и меньшее количество – мы не слышим ультразвука, не воспринимаем магнитное поле нашей планеты – отчасти всё-таки чувствуем – живём лишь до ста лет – кому как повезёт – и т.д. Всё это хорошо известно и прекрасно показывает, что мы стеснены собственной физиологией, которая предопределяет наш перцептивный – и когнитивный тоже – горизонт. Но что это значит и что из этого следует?

В смысловом плане всё довольно просто. Мы не должны делать далеко идущие выводы, основываясь лишь на том, что нам доступно. Разумеется, мы компенсируем отдельные свои недостатки вспомогательными технологиями и оборудованием, однако надо также отдавать

себе отчёт в том, что строим мы их, сообразуясь с нашими же представлениями о мире, а это далеко не самый лучший – впрочем, не совсем ясно, какой может быть таким – по нему путеводитель. Если коротко, мы обязаны осознать свою ограниченную природу и, наконец, принять её – а не думать о том, будто этот свет познаваем во всей своей глубине и нашими способами.

Второй момент имеет самое непосредственное отношение к антропоцентричности наших взглядов. Суть состоит в том, что это мы, а не кто-то иной, смотрим вокруг себя и видим то, что представляется нашему взору. Даже оставляя в стороне проблему трактовки, которая сама по себе весьма критична, поблизости нет никого – точнее мы не научились общаться с ними или они с нами, имеются в виду остальные разумные животные, инопланетяне же даже если они и существуют с нами до сих пор на связывались, и есть все основания верить в то, что этого никогда не произойдёт – кто бы был в состоянии оценить нашу картину реальности и, если бы потребовалось, что более чем вероятно, внести в неё некоторые, если не огромное их количество, корректировки.

Всё это вроде бы лежит на поверхности, но при этом зачастую, если не по умолчанию игнорируется и никак не проговаривается. Мы почему-то решили, что наши эпистемологические методы верны, анатомическое оснащение надёжно, а наш перцептивный аппарат безгрешен, и это якобы позволяет нам заявлять о том, что мы понимаем и воспринимаем действительность таковой, каковой она является, что, конечно, не так. Но как увязать это с естественностью чего бы то ни было? Довольно просто, однако работать нужно в двух направлениях. Нам снова помогут иллюстрации.

Первая. Несколько глупо – нет, разумеется, как станет ясно ниже – спрашивать о том, чем отличаются, скажем, металлы от газов. Первые твёрдые и тяжёлые, вторые – разреженные и лёгкие. Есть и другие расхождения, но достаточно будет и этих. Казалось бы, что здесь такого? Интуитивная химия и личный опыт учат нас тому, что данные вещества таковы, и нет никакого прока в том, чтобы сомневаться, что это так. Тем не менее, не всё столь однозначно, как нам представляется.

Если мы спустимся на уровень элементарных частиц, то мы обнаружим следующее. Фундаментально все вещества разнятся лишь в том, какое количество протонов и нейтронов содержится в их ядре, а также тем же – есть ещё изотопы, но они не сильно усложняют картину, базово она именно такая – числом электронов, которые вращаются – так привычнее, на самом деле теперь говорят об облаке, но сути это не меняет – вокруг него. В таком случае совершенно неважно, как мы воспринимаем те или иные субстанции, но критичен их состав, который, между прочим, составляют совершенно идентичные указанные части. Это описание порождает другие интересные эффекты и глобальные вопросы, однако их рассмотрение увело бы нас слишком далеко в сторону, так что ограничимся указанными.

И вторая. Если мы не желаем связываться с квантовыми явлениями, которые действительно слишком фантастичны и нелогичны, чтобы сколько-нибудь удобоваримым образом их объяснить, примем перспективу, например, вируса. Если ему безразлично – это не совсем корректно, конечно, ему не всё равно, ведь он адаптируется к конкретным видам, близким друг к другу генетически, впрочем, расхождения порой и вправду велики, так многие болезни мы получили от домашних животных – кого конкретно заражать – и обычно так всё и обстоит – то для него нет разницы между человеком и птицей – скажем, грипп последних – потому что всё, что он видит – это конгломерат подходящих для его задач клеток, и ничего более.

Мы можем сколько угодно говорить о том, что есть индивиды, виды, классы, а то и вовсе царства тех или иных зверей, но для этого крохотного создания все подобные отличия неважны, но существенны доступность, резистентность и здоровье соответствующего организма, а всё остальное почти не играет никакой роли. Т.е. стоит сменить угол обзора, как обнаруживается иная реальность.

Оба этих примера показывают, что наш взгляд на вещи субъективен. Единственная наша клетка, видимая невооружённым глазом, производится женщинами, а все остальные настолько – для нашей зрительной системы – малы, что рассмотреть без специального оборудования их проблематично. Что же до квантовой механики, то она настолько удивительна и иррациональна, что порождает парадоксы, а также недоверие к себе даже со стороны её создателей. Всё это, однако, не мешает нам озаботиться следующим вопросом.

Мы вправе согласиться – или нет, но тогда мы лишь выявим ригидность своего мышления – с тем, что наши воззрения носят относительный характер и релевантны только на макроуровне, на котором мы и существуем. Как бы то ни было, но приведённые описания были сделаны тоже людьми, которые просто воспользовались своими мозгами, приборами и технологиями и выявили истинную картину действительности, которая и приведена выше. Значит ли это, что мы всё-таки способны глядеть на мир непредубеждённо и непредвзято – т.е. погашая свои врождённые склонности смотреть так, как свойственно нашему виду – если, конечно, постараемся? Увы, но не обязательно и вот почему.

Вернёмся к примеру с обнаружением планет на задворках нашей солнечной системы. Несмотря на все наши усилия и меры предосторожности нельзя исключить того, что мы видим не столько данные небесные тела, сколько, скажем, звёзды, а то и вообще что-то другое. Что бы мы не предпринимали для того, чтобы снизить вероятность ошибки, она никогда не становится нулевой, и это всегда надо иметь в виду прежде чем что-то говорить о реальности. Но и это ещё не всё. Помимо прочего, все эти иллюстрации имеют более глубокий смысл.

Суть состоит в том, что мы можем не только неверно интерпретировать увиденное, но также и просто наблюдать то, что представляется нашему взору, не так, как оно того заслуживает или как это было бы адекватно. Оставляя в стороне первое, второе свидетельствует о том, что велики шансы того, что мы смотрим не на то, не так, не тогда и не там, что, как, когда и где это нужно. И вновь пример.

Наверняка с вами случалось, что вы искали что-то, что, как оказывалось, лежало прямо у вас перед носом. Вне зависимости от того, что именно это было, смысл заключается в том, что мы вынуждены концентрировать своё очень ограниченное внимание, а, кроме того, не вольны управлять как им, так и своими мозгами для того, чтобы найти потерянное. Своеобразная слепота тогда поражает нас, и мы не замечаем очевидного, хотя оно и находится в непосредственной и близости, и зоне видимости.

Разумеется, напрямую провести аналогию между нашим восприятием мира и этой иллюстрацией не получится. Однако она хорошо показывает, что даже прилагая усилия мы всё равно не освобождаемся от превратностей нашей физиологии, сколько бы мы ни старались. Мы вправе, конечно, думать о некоем беспристрастном и объективном наблюдателе – коими мы себя, как правило, считаем – но если это живое существо, то этот идеал недостижим в принципе, ведь эволюция не создаёт совершенных творений.

Это означает, что мы должны принять свою ограниченную природу и не пытаться идти против неё. Реальность познаваема нами лишь до определённой – хотя и функциональной, надо заметить, впрочем, тоже относительно – степени, и нет решительно никаких способов и механизмов для того, чтобы повысить её сверх того, что нам доступно – это не отрицает факта научной революции, о которой ниже, но устанавливает пределы, до которых мы в состоянии добраться. Мы просто люди, и это всё.

Естественно тут, во-первых, то, что мы глядим на мир человеческими глазами – было бы странно постулировать наличие у нас иных – во-вторых, то, что при этом мы используемый данный нам от рождения и по праву принадлежности к этому виду потенциал, но никогда не превосходим его, в-третьих, то, что пороги заранее обозначены самим устройством вещей, и мы не покидаем отведённой нам территории, сколь бы огромной – или, напротив, малой, нам это неизвестно, но более вероятно всё-таки первое – она ни была.

Наш антропоцентризм проистекает из того банального факта, что мы есть люди, и некая альтернативная перспектива нам тривиально не предоставлена. Сколько бы мы ни пытались, какие бы усилия ни прикладывали, что бы ни предпринимали, выйти из этого замкнутого на самом деле круга невозможно из-за того, что за его границами для нас ничего нет – точнее нами не распознаваемо и не воспринимаемо. Всё, на что бы способны – это достичь их, но не пересечь, кто бы и что бы там не говорилось и не заявлялось. Мы тотально укоренены в своей анатомии и, по сути, к ней сводимся.

Конечно, на это обязательно возразят в том духе, что это человек – обычно, правда, в этой роли выступает не тот, кто рассуждает о подобном – создал науки и искусство, построил города и дороги, изучает других животных и ставит эксперименты и т.д., а не наши соседи по планете. И всё это действительно так и есть – или, по крайней мере, мы так полагаем, скажем есть смысл считать, что одомашненные нами виды выиграли от этого больше, чем мы сами. Тем не менее, и в свете нижеследующего, это не столь уж и удивительно или непредсказуемо, а если и искусственно, то в самой малой – пренебрежительной в действительности – степени. Как бы это ни прозвучало провокационно, но всё это было прогнозируемо, потому что при определённых – это важно подчеркнуть, о них в третьей главе – обстоятельствах всё это и естественно, и необходимо.

Понятно, что, скажем, ракеты не даны нам в готовом виде в природе, как и всё то, из чего их изготавливают – однако не сырые материалы – но это и не обязательно. До того, как они у нас появились – или, что более точно, мы их соорудили – произошло много чего, что по своей сути было мелкими шажками по направлению к космосу, но в том-то и дело, что эти почти незаметные изменения сами по себе не были чем-то из ряда вон, но были скромными дополнениями к уже существующему порядку. Если смотреть на последовательность, то скачков не обнаруживается.

Глядя вокруг, т.е. пребывая в высоко преобразованной нашими предшественниками – нами самими лишь в малой степени – среде, мы забываем о том, что к этому состоянию мы пришли постепенно, а не сразу. Понадобились тысячелетия для того, чтобы возникли цивилизации, но даже после этого и при ускоренных темпах перемен – они, видимо, пока ещё растут, что вызывает определённое беспокойство, рано или поздно это должно кончиться – мы, условно говоря, не выбились не из какого графика, но вполне чётко ему следуем и его соблюдаем. При некоторых условиях так обязано было быть, а потому мы вынужденно обнаруживаем себя в этом месте и в этой обстановке. И это возвращает нас к антропному принципу.

Его сторонники справедливо указывают на то, что в по-иному сложенном мироздании мы были бы нереализуемы, а потому у Вселенной с необходимостью регистрируется те черты и параметры, которые способствуют зарождению жизни и – в сильной версии – разума, а то и вовсе человека. То же самое можно сказать и вообще об истории. В силу того, что теперь мы проживаем в городах, в прошлом надо было создать такие условия, которые бы к ним в итоге привели. Из-за того, что именно это мы и видим, они были неизбежны.

Всё это, бесспорно, интересно и отчасти забавно, но в таком случае получается, что абсолютно любое современное явление и, даже больше, конфигурация всех атомов предопределены ходом времени – или вечными законами, это не совсем одно и то же. Но тогда сам этот аргумент теряет какую бы то ни было убедительность. Очевидно, что мы есть результат того, что произошло – и с нами, и со всем прочим – прежде, но это не означает, что именно в этом направлении всё и двигалось. Или же всё так и обстоит? Это очень сложный вопрос и на него нет сколько-нибудь явного и недвусмысленного ответа, но не рассмотреть его было бы преступлением, тем более что он указывает нам то, что естественно, а что – нет. Ниже мы ещё вернёмся к нему, а пока вот какое соображение.

Не напоминает ли вас всё это некий замкнутый круг, из которого не просто проблематично, а невозможно выбраться? Всякий раз, когда мы хотим что-нибудь объяснить и оправ-

дать, нам только и надо, что обратиться к прошлым событиям, которые исключительно в силу того, что они потряслись как таковые, обосновывают абсолютно любое – оно не единственное, гипотетически их бесконечное множество – нынешнее положение вещей во всех его деталях и подробностях.

Выходит так, что решительно всё, что вас окружает, именно должно было быть таким и никаким иным, а это, в свою очередь, говорит о том, что и вы, и всё прочее были заранее спланированы и предусмотрены с самого момента Большого Взрыва – если эта теория верна. Т.е. предопределённость не только имеет место быть, но она и вездесуща, и всепроникающа, пропитывая собой всё на свете от малого до великого на веки веков. Насколько вам нравится такая картина?

По сути, мы обязаны постулировать, что никаких случайностей не бывает, но всё известно наперёд, если, разумеется, мы знаем все начальные условия и законы. Подобный детерминизм в частности означает, что эти строки неизбежно появляются перед вашими глазами прямо в данный момент, и все предшествующие события толкали вас в это мгновение и к этим словам и буквам – а также ко всему остальному, что им сопутствует, во всей его тотальности. Хотите ли вы лишиться свободы воли или всё-таки её ещё можно спасти?

Отчасти нас щадит наше собственное невежество. Не обладая достаточной полнотой сведений – резонно спросить о том, сколько именно мы способны постигнуть вообще, но учитывая неопределённость потенциальных вероятностей, утверждать что-либо наверняка было бы глупо, как бы то ни было, но нашего оснащения вряд ли хватит на многое – об этом мире мы верим в иллюзию спонтанного и неожиданного, которые хотя и не таковы, но кажутся нам чем-то подобным. Это усугубляется тем, что смотрим мы на мир человеческими глазами, а потому далеко не всё замечаем – а то и вовсе видим лишь мизерную часть реальности. В принципе если вам этого довольно, то непредсказуемость реабилитирована, и нет никаких причин волноваться по её поводу. Неведение тоже бывает иногда полезно.

Однако это не снимает вопроса о том, до какой степени всё предопределено. Если ответ сто процентов, то ни о какой независимости не приходится и мечтать, если же показатель хотя бы слегка ниже, то случайность остаётся. Конечно, при ответе нужно иметь в виду, что у нас не может быть никакой уверенности в том, что мы правы – как в силу озвученных причин, так и по ряду иных. Тем не менее, какое решение нам необходимо, а потому его стоит поискать.

В физике элементарных частиц ничего заданного нет. Существуют отдельные колебания и осцилляции, которые носят вероятностный, но не детерминистский характер. Однако на макроуровне, т.е. среди обычных для нас предметов, включая и нас самих, мы явно наблюдаем вполне предсказуемые следствия определённых триггеров, вычислить которые, по крайней мере потенциально, мы в состоянии. Всё это несколько странно, потому что вторые состоят из первых, а качества суммы вроде бы – но не в случае эмерджентности – должны вытекать из свойств её частей. Однако этого не происходит. Как тогда примирить эти две точки зрения и почему они столь отличны?

Тут приемлемы разные варианты. Например, мы можем ошибаться или чего-то не знать, что мешает нам смотреть на мир нормально. Или же имеющихся данных недостаточно для того, чтобы выстроить полную картину. Наконец, не столь уж и дико допустить, что мы заблуждаемся и глядим не туда. Всё это, однако, неудовлетворительно. Как квантовая механика, так и законы И. Ньютона – а равно и много чего ещё – прекрасно зарекомендовали себя – впрочем, нужно помнить, что лишь в наших глазах, а не в каком-то абсолютном значении, если таковое существует в принципе – и нам надо либо что-то действительно более весомое и элегантное, либо же попытаться примирить указанные точки зрения. Из-за отсутствия первого, займёмся вторым – но это, естественно, не означает, что первое нереализуемо, просто на данный момент какой-то внятной альтернативы мы лишены, мы ещё вернёмся к этому вопросу.

Как известно, Э. Шрёдингер придумал мыслительный эксперимент с котом, который получил его фамилию в качестве клички. Не вдаваясь в подробности, смысл состоит в том, что это животное одновременно и живо, и мёртво, по меньшей мере, пока мы не проведём наблюдение – это главное место преткновения современной физики. Понятно, что и то, и другое вместе невозможно – интуитивно мы разводим эти состояния, но далеко не факт, что существенно они противоположны – а потому обычно считается, что мы здесь обнаруживаем парадокс – а именно суперпозицию элементарной частицы – решить который никто не в состоянии. Однако проблема – или её решение – состоит в том, что и не надо ничего с этим делать.

Оставляя в стороне сугубо технические сложности организации подобного опыта – именно поэтому он гипотетический, а не настоящий – а также трудности определения отличия жизни от смерти, смысл состоит в том, чтобы забыть о нём в принципе. Как уже на раз предлагалось, для нас совершенно неважно, что произошло – или нет – с котом, если мы его не видим – в таком случае он для нас банально отсутствует. Кроме того, несколько странно применять законы квантовой физики в макромире, в котором действуют другие правила игры. Впрочем, критично не это.

Существенно то, что неопределённость, пусть и не на том уровне, о котором тут говорится, всё-таки остаётся. Порождаем ли мы в роли наблюдателей новые вселенные, есть ли они как таковые, а также действительно ли частицы могут быть сразу в двух местах одновременно, не так и важно, когда речь идёт об истории. Она совершается не электронами, но людьми – или иными участниками схожего размера – а мы достаточно детерминированы, чтобы отказать случаю в праве вмешательства в нашу жизнь. Но не противоречие ли это? Нет и вот почему.

Как уже было отмечено выше, мы просто очень много не знаем. Учесть абсолютно все детали – вплоть до составляющих атома, а то и до кварков – реально лишь тогда, когда мы воспроизводим систему во всей её полноте, а это ведёт к необходимости, по крайней мере репликации – и скорее всего неоднократной – всего мироздания – это надо делать, если суперпозиция сохраняется, если её нет, то ничего предпринимать не стоит. Конечно, для тех, кому удобно присутствовать в том или ином типе мультиверса – или как там ещё эти конструкции называются – это не выглядит проблематично, но, как представляется, у нас нет нужды в огромном – на самом деле астрономическом, чудовищном по всем меркам – числе других действительно-стей только из-за того, что мы, видите ли, не в состоянии справиться с проблемами, которые порождают наши теории. И даже если последние верны, они носят приблизительный – в силу нашей ограниченности – а не тотальный характер.

Возвращаясь к коту, это говорит нам о том, что подобный эксперимент избыточен в том смысле, что никакого практического значения он не имеет – только как умозрительное и довольно увлекательное занятие. Это очень интересная когнитивная загадка, но не более того. Пусть у него и неоднозначные следствия и выводы, сами по себе они мало что рассказывают о нас самих. Мир стабилен несмотря на неопределённость, заключающуюся на микроуровне – или же она воспринимается нами в таком качестве, чего в реальности, какой бы та ни оказалась, вполне вероятно нет, и мы ошибаемся. Но как нам быть со случаем?

По всей видимости таким словом или образом мы должны называть те флуктуации системы, которые нам неизвестны. Если бы она была неустойчивой и всегда попадала бы в два состояния – как того требуют и как то постулируют соответствующие гипотезы – мы бы стали невозможными явлениями. Понятно, что суперпозиция не порождает новой – т.е. обладающей совершенно иными физическими законами и конфигурацией, но и это нередко заявляется – реальности, но она угрожает обычному течению дел, которое мы наблюдаем вокруг.

Из этого, очевидно, вытекает то, что либо с элементарными частицами что-то не так и они не ведут себя так, как мы считаем и как они должны, либо что-то произошло с нами, а весь мир – это странное и волшебное место, которое существует лишь в чьей-то фантазии – такое тоже озвучивалось. В силу того, что мы видим и то, и другое, склониться в пользу

фундаментальности чего-то одного довольно сложно. Как бы то ни было, но это позволяет нам вернуть неопределённость в том числе и в историю, а это то, что и требовалось доказать.

Суммируя всё вышесказанное, нужно сказать следующее. У нас не может быть никакой уверенности в том, что случайность существует. Но ровно то же самое касается и её антипода, т.е. полной детерминированности. Глядя назад в прошлое мы получаем вторую, но смотря на квантовые эффекты мы обнаруживаем первую. Само по себе наличие этой дуальности говорит нам о том, что нечто непредсказуемое регулярно и повсеместно происходит. Тем не менее, в той же физике элементарных частиц действуют статистические закономерности, что делает вероятность некоторых событий пренебрежительно малой, а потому мы вправе ими пренебречь. Однако они всё-таки присутствуют. Мы ещё не раз обратимся к данной теме ниже, а теперь настала пора другого возражения интуитивного определения естественности.

Вначале один пример. Вообразим себе культуру, в которой людям по достижении некоторого возраста отрубают одну фалангу на мизинце, скажем, левой руки. Реализуемо ли подобное? Разумеется. Если мы продолжим избавляться от частей или даже целых конечностей, то опять-таки ничего страшного не стрясётся – если, конечно, это затронет не всех, а только избранных. Но зачем нам столь жестокая, пусть и гипотетическая иллюстрация?

Подумайте вот о чём. Почему подобное в принципе осуществимо? Потому что это обязательно будет сопровождаться некоторыми объяснениями и оправданиями данной – и любой другой – практики. То же самое мы ежедневно находим вокруг себя, ведь очень многое из того, что мы делаем и как себя ведём, по здравому размышлению окажется странным, а то и глупым, что, однако, нисколько нам не мешает продолжать в том же духе. Чтобы так оно и было, нужна определённая рационализация, и это именно то, что мы обнаруживаем на постоянной – но не всегда сознательной – основе.

Возьмём, скажем, эту книгу. С точки зрения и нашей физиологии – это несколько спорный вопрос, но об этом ниже – и природы это абсолютно искусственная вещь. Целлюлоза, из которой она по большей части изготовлена, не дана нам в таком виде, но извлекается нами по преимуществу из деревьев путём специальных технологических процессов. То же касается чернил и обложки.

Чтение тоже не столь натурально, как нам сегодня представляется. Да, зная соответствующую грамоту, вы не сможете не видеть текста, слов и обычно – но не всегда – их значения, но нет, эволюция не готовила нас к тому, чтобы совершать всё это, и мы лишь используем наш зрительный аппарат, созданный ради иных целей, для того, чтобы иметь дело с текстами – буквы и знаки препинания на настолько неестественны, как кажется, но они явно не задумывались, хотя и покоятся на биологии, и мы должны усваивать их в процессе обучения.

Собственно говоря, это то, что называется системой координат. Вглядываться в чёрные строчки на белых – как правило – страницах для охотников-собирающих было бы равносильно помешательству, но ровно то же самое думаем и мы, когда встречаем безграмотного человека, ведь нам так сложно представить себе, как такое вообще случается – в действительности это очень распространённое и сегодня явление, которое не обязательно должно ухудшать нашу жизнь, представьте себя за границей, без знания местного языка, вряд ли это станет для вас смертельным.

Понятие естественного – как и многие другие – очень сильно зависит от контекста, в котором о нём говорится. Это известно уже очень давно, ведь люди – а то и их предшественники – довольно рано поняли, что в мире чуть ли не всё относительно. Даже, казалось бы, страшные вещи и феномены не всегда таковы, если поместить их в иную плоскость, где они с большой долей вероятности окажутся не такими ужасными, а то и вовсе положительными. Угол зрения определяет нашу оценку – помимо, разумеется, усвоенных категорий и их содержания.

И в этом проблема. Хотя об этом пойдёт речь ниже, здесь нельзя не заметить, что какие-то принципы вынесения суждения нам нужны. Это запускает порочный круг из-за того, что не

совсем, а то и вообще неясно, по каким признакам мы их станем выбирать, что требует нового уровня осмысления и так до бесконечности. Выбраться из этого болота не представляется возможным, но мы пока оставим его.

Что тут для нас критично – это наличие его как такового. Мы так привыкли давать определение чему бы то ни было, что забыли о том, что эта процедура требует какой-то оценки, а, значит, и критериев нашего вердикта. Объявляя что-либо естественным или рукотворным мы тем самым и явно, и нет признаём, что мы как-то относимся к данному объекту, а это противопоказано делать, если мы хотим получить более или менее – но не полностью – объективную картину реальности. Как нам тогда быть? Вкратце никак и вот почему.

Каждый день мы, как правило, выходим на улицу, где встречаем некоторое количество знакомых и нет людей. Мы являемся социальными животными и вследствие этого вынуждены взаимодействовать друг с другом. Это возможно только в том случае, если мы разделяем, по меньшей мере, базовые идеи относительно того, как устроен мир, как нам в нём себя вести, в соответствии с чем выносить суждения – есть и другие моменты, но ради простоты опустим их.

Всё это означает, что мы должны иметь базовый набор воззрений, который бы позволял нам сотрудничать – и враждовать тоже, борьба осуществляется по ряду техник, а не произвольно – и получать – или терять – то, что нам нужно. Даже охотники-собиратели не производят всего, в чём они нуждаются – яркий пример представляет собой язык, но есть много чего ещё – а потому кооперируются и достигают желаемого.

В принципе нет никакой разницы в том, насколько наши взгляды оправданы и релевантны. Если, например, в эпоху Средневековья люди считали, что Земля является пупом Вселенной, то гораздо лучше и практичнее было разделять это общее мнение, тем более что оно подтверждается эмпирическим путём, чего нельзя сказать по поводу гелиоцентрической модели мира. Если же кто-то шёл против данной догмы, то ему или ей приходилось несладко, что в частности доказал Д. Бруно.

Не стоит думать, будто мы теперешние свободны от разного рода заблуждений, суеверий, непонимания истинной реальности. Мы также имеем целый инструментарий подобных отношений к действительности, и как-то иначе тривиально не бывает. Что существенно – это то, что все остальные вокруг нас мыслят – и, значит, ведут себя, оценивают, говорят и чувствуют – как и мы сами, что создаёт столь необходимый для нормального существования любой культуры консенсус.

И в этом ключ в понимании нами реальности – и всего остального, разумеется, тоже. На самом деле всё, что мы видим – это конвенция о том, на что, как и когда смотреть и что при этом воспринимать, думать, ощущать. Даже если и наблюдается некоторая доля расхождений и диссидентства, она никогда не превышает определённых пороговых значений, которые бы разрушили эти договорённости, тем самым подставив под удар всю культуру.

Но этого и не происходит. Человек по своей природе – это весьма конформистское создание, в высшей степени зависящее от мнения своих соседей и от того, как они себя ведут и что переживают. Любое исключение из коллектива – как репрессалия против инакомыслия – чувствуется как физическая боль и всячески избегается. Да и вообще последнее для нас не характерно, ведь мы на генетическом уровне являемся социальным видом. Но при чём тут категория естественного? Есть дополняющих друг друга объяснения.

Первое. Это более чем нормально полагать то же самое, что и все окружающие. Если в группе есть согласие, скажем, по поводу неприемлемости аборт, то и лучше, и безопаснее, и разумнее считать точно так же. Более того, всегда находятся оправдания подобным воззрениям, какими бы дикими, страшными, пугающими и отвратительными они ни были – в принципе есть смысл говорить о том, что именно такие обычно наиболее фундированы, а более приемлемые, т.е. такие, которые бы не вызывали отторжения извне, оставляются без особого внимания, между прочим, в этом состоит общее, что есть у всех культур.

Это хорошо демонстрируется историей. Так, например, очень долго роль женщины в рамках цивилизации, по сути, сводилась к роли ходячего и управляемого мужчиной-владельцем инкубатора детей – желательно при этом мальчиков, что выглядит нелогично, ведь непонятно, кто будет рожать в дальнейшем – что объяснялось некой – конечно, мифической – низшей природой прекрасной половины человечества – между прочим, это обозначение несмотря на свою внешнюю привлекательность тоже из патриархального репертуара. То же касается и примера с отрубанием фаланги мизинца. Всегда можно представить дело так, что полный палец некрасив, свидетельствует о недостатке или дефекте, порочен и вообще ненормален. – это слово, как и его антоним так часто используются, что порой теряют какое бы то ни было содержание

Стоит ещё раз это повторить. Даже если мы и обнаруживаем какие-то разногласия между членами того или иного коллектива, то мы скорее выдаём желаемое за действительное, нежели чем указываем на нарушение принятого пакта. Раскольники – это часть естественного положения вещей, и очень редко они действительно выпадают из общего целого – таковы, например, психопаты, социопаты, отчасти аутисты, но это уже биология и генетика, а не социальный порядок.

Последний по определению включает в себя девиации и отклонения, абсорбируя их и зачастую создавая. Мы всё-таки отличаемся между собой и нам нужны ниши, в которых бы мы чувствовали себя относительно комфортно. Если группа невелика, то и диапазон расхождений довольно мал, потому что всегда можно заставить – в том числе и сугубо физически – человека согласиться с остальными. Если она большая, то такие зоны куда многочисленнее и разнообразнее, но это не означает того, что они не ограничены сами в себе. Это поднимает очень интересный вопрос о том, сколько усилий требуется для того, чтобы убедить нас в чём-либо. Краткий ответ говорит о том, что относительно мало, а то и вовсе никаких.

Это объясняется тем, что мы рождаемся и растём в уже готовом мире. Если нашему взрослению не сопутствуют кардинальные общественные трансформации, то всё проходит гладко и без шероховатостей. Поскольку ребёнок не в состоянии сгенерировать своё мировоззрение самостоятельно, он или она неизбежно впитывают те идеи, которые на него или неё обильно изливают уже социализированные окружающие, считая их естественными и обычными – и в каком-то смысле так оно и есть, принимая во внимание то, что обстоятельства подталкивают нас не в любом направлении, а по ряду, условно выражаясь, избранных.

Вместе с тем не надо наивно верить в то, что человеческие культуры резко отличаются друг от друга. Они разнятся в частности, но не сущностных нарративах. Даже если и случаются какие-то потрясения и революции – неважно, в какой области – преемственность никуда не девается, просто она становится менее заметной. В конечном счёте, мы не в силах за раз избавиться от родного языка, от кулинарных пристрастий, от традиций и обычаев и т.д., и т.п., и требуются поколения, чтобы это стало новой реальностью – да и то, как правило, в других условиях, как, например, у детей и в среде эмигрантов. И это подводит нас ко второму объяснению.

И снова, мы – социальные животные, но теперь ударение нужно сделать на последнее. Хотя нас и учат, что наша культура особенная, что люди из отдалённых и даже близких мест непохожи друг на друга, что чужакам сложно прийти к согласию из-за того, что они столь уникальны, на самом деле мы все представляем собой один вид, а потому в высшей степени идентичны. На практике – и в теории, но там всё-таки проще – это сложно принять, так что один пример.

Нам свойственно давать названия в том числе и другим зверям – помимо всего прочего. Так, скажем, у нас есть обозначения для медведей и журавлей. Казалось бы, что здесь такого? Проблем, собственно, нет, пока мы не посмотрим на существующие виды этих созданий и не поймём, что они, вообще говоря, разные, и скрещиваться между собой – без последствий, конечно – не способны – как иллюстрация, белый и бурый и, соответственно, японский и стерх.

Понятно, что здесь мы имеем дело с терминологической путаницей, которая смешивает такие биологические категории – они не слишком удачны сами по себе хотя бы потому, что обладают транзитной природой, но не установлены раз и навсегда – как вид и род во втором случае и семейство – в первом. Как бы то ни было, но это очень показательная ситуация, которая свидетельствует, с одной стороны о том, что мы о себе слишком высокого мнения и ставим себя на вершину животного царства, а с другой – о том, что мы слабо представляем себе, кто мы есть такие в действительности, а не в своих мечтах о самих себе.

Если два вида обособились друг от друга достаточно давно, то скрещивание между ними становится невозможным или же их потомки оказываются бесплодными – таковы мулы и лошаки, а также лигры и тигрольвы, но не лигрицы, что обусловлено в том числе и разным количеством генов. Человек в этом отношении пока – сложно сказать, случится ли это когда-нибудь в будущем, но это не исключено, хотя и маловероятно, учитывая нынешние тенденции к гомогенизации, при которой мы всё больше смешиваемся, а, значит, теряем самобытность – не разошёлся в своих популяциях настолько далеко, чтобы представители любых двух рас – или народов, но тут всё более прозрачно – не произвели бы на свет фертильное потомство со всеми нужными атрибутами и признаками, свойственными людям.

Культура в этом ряду не является чем-то трансцендентным, но, напротив, есть часть нашего наследственного багажа. Демонстрация и доказательство того, что она представляет собой ровно такое же эволюционное приобретение, что и, скажем, большой отстоящий палец или объём нашей черепной коробки, заняли бы слишком много времени и увели бы нас далеко в сторону, но, по крайней мере несколько, моментов всё-таки стоит озвучить.

Наверняка вас, как и значительное число специалистов, удивляло разнообразие человеческих обществ и цивилизаций – а также кухонь, традиций, украшений, одеяний и т.д. Приезжая куда-нибудь – как это любят называть в экзотическое место, это, кстати, очень репрезентативно в смысле местечковости нашего мышления – за рубежом мы все оказываемся в некоторых когнитивном и перцептивном диссонансах, потому что всё вокруг нас чуть ли вопиёт о колоссальном расхождении со всем, к чему мы привыкли у себя дома. В таком случае мы либо восторгаемся увиденным и каким-то иным образом воспринятым, либо испытываем отвращение, либо переживаем другие такие же сильные чувства и эмоции. Но насколько такие реакции оправданны и действительно ли они свидетельствуют в пользу многогранности нашего культурного ландшафта или же мы просто выдаём ожидаемый ответ на нечто незнакомое? Рассмотрим пару конкретных примеров.

Первый. Если вы бывали в регионе Тоскана в Италии – а то и по всей стране дела обстоят ровно также – и поднимались в каком-нибудь городе на высокие башни, разглядывая оттуда окрестности – во Флоренции есть такая – вы должны были увидеть более или менее хаотичную мозаику черепичных красных крыш. И она, бесспорно, завораживает. Но... до определённого момента. Потому что в других городах – если вы до них доберётесь – есть чуть ли идентичные обзорные площадки, откуда открывается очень похожий вид – достопримечательности в этом смысле меняют разве что общие конфигурацию и компоновку перспективы, а не что-то иное.

Никто не станет отрицать того, что всё это очень мило – если, разумеется, вы склонны к проявлению таких эмоций во время просмотра чего-то подобного – однако нужно также отдавать себе отчёт в том, что всё это строилось, создавалось, сооружалось по чуть ли не одинаковым шаблонам и лекалам. Некоторую неразбериху в этот процесс вносит география, ландшафт и прихоти истории, но в остальном люди предпочитают известные паттерны и не изобретают чего-то нового, а только слегка модифицируют – если делают это в принципе – старое. И это касается не только и не столько Италии, сколько вообще всех народов и их практик.

Второй. Нередко можно услышать о том, насколько разноплановыми могут быть те или иные актриса или актёр, сколько непохожих образов они способны воплотить, как велик их лицедейский репертуар. Проблема, однако, состоит в том, что по большей части – и это не

учитывая того, что все мы люди, а, следовательно, играем одни и те же, по сути, роли – ни один из работников сцены не в состоянии быть кем-то, кроме самого себя.

Это значит, что все они придерживаются в основном единственного амплуа и редко выходят за его пределы. Между прочим, это хорошо известно не только им самим, но и режиссёрам, и сценаристам, и критикам, и даже простым зрителям. Мы привыкли к тому, что кто-то из них злодей, другой – добряк, третий – неудачник, четвёртый – комедиант и т.д. – а есть ещё и стереотипы – ведь, если честно, мы все таковы.

Опять же не стоит думать о том, что это относится исключительно к актёрам. В принципе можно говорить о том, что все мы играем одну и ту же роль на протяжении всей жизни. Писатели создают единственный длинный роман, хотя оформляется он в отдельные тома и произведения, художникам никак не получается закончить главное полотно, пусть оно и разбивается на разные картины, наконец – этот список, конечно, данными иллюстрациями не ограничивается – учёные ищут тот самый закон или конечную теорию, которые бы объяснили всё, но составляются статьи, монографии, выступления, доклады, выглядящие как нечто самостоятельное, что, впрочем, не так. Однако при чём тут культура и её разнообразие?

Давайте напрасно не обманывать себя. Где бы мы ни оказались, всюду мы встречаем более или менее одинаковые практики, воззрения, традиции, ценности, которые характерны нам как представителям нашего вида, живущим совместно на той или иной территории – но все они находятся на планете Земля. Мы не умеем иначе, потому что все альтернативы попросту не функциональны. На самом деле существует лишь небольшой набор того, каким образом мы можем упорядочивать социальное бытие, и эти стратегии не столь несхожи, как принято думать. Один пример.

Почему-то в западных культурах люди не едят насекомых – нехваткой это не объяснить, хотя там их и вправду меньше, климат не позволяет. Там воспитывается чуть ли не отвращение к этим созданиям, по крайней мере, в том, что касается употребления их в пищу. В других местах всё обстоит наоборот. Как бы вы лично ни относились к тому, чтобы подкрепиться каким-нибудь представителем этого класса, существенно не то, к чему вы привыкли, но лишь то, что они есть такой же источник белков, жиров и углеводов, что и мясо, растения и т.д.

В сухом остатке перед нами всегда калории и ничего больше. Мы вправе как угодно смотреть на конкретный их внешний вид, но внутри и по своему содержанию нет никакой разницы между ползучими, бляющими, летающими и т.п. творениями – и молчаливыми тоже. В этом смысле они все одинаковы – что, помимо прочего, реабилитирует химическую промышленность, которая пытается реплицировать или улучшить наши продукты искусственным путём, последнего, как выясняется, банально нет.

В этом вся соль. Мы принимаем наличное как должное и никак не рефлекслируем на эту тему. Подобное положение вещей более чем естественно принимая во внимание то, что мир даётся нам в готовом виде, а самостоятельно думать мы вначале – да и потом тоже, большинство так и остаются рабами своих давно усвоенных ментальных и перцептивных привычек – не способны. Мы некритично усваиваем всё то, что нам скармливают окружающие, и верим в то, что это и есть истина в последней инстанции.

Именно поэтому нам кажется, будто наша культура резко отличается от всех остальных, ведь для её нормальной работы она как раз и нуждается в том, чтобы показывать и всячески поддерживать иллюзию своей уникальной природы. Будучи стадными животными мы всегда выделяем своих и чужих и выстраиваем между ними границу, которая бы чётко отделяла нас от них – или наоборот. Кроме того, в действие вступают нежелание что-либо менять, неохота учить что-то новое, ригидность мышления, стремление сэкономить на всём, на чём только можно, а также общая лень всего живого. Как следствие мы предрасположены видеть многообразие там, где его никогда не было, нет и вряд ли когда-нибудь будет – а если глобализация продолжится, то и вовсе надеяться не на что.

Не спасает ситуацию и географическая неоднородность Земли, а, кроме того, исторические случайности. Это всё-таки одна планета, для которой важную роль играют Солнце и Луна, а те чуть ли не идентично влияют на всех нас, в какой бы точке этого космического корабля мы ни находились. Что касается причуд прошлого, то они снова имели место быть тут, а не где-то ещё, с одним и тем же видом в качестве главного персонажа, реагирующего на те или иные не слишком разные стимулы.

Разумеется, существенна система координат, но в том-то и дело, что человек обладает не очень большим – и это мягко сказано – их количеством. Что бы ни оказалось под вопросом, всегда имеет значение с какой точки зрения мы на всё смотрим. Однако, как было показано выше, несхожесть позиций – это скорее миф, чем что-то из области действительного, а то, что мы привыкли думать иначе, лишь выдаёт нашу в высшей степени ограниченную – а ещё заносчивую и высокомерную – природу. Последняя создала нас весьма одинаковыми, так что не стоит особо обольщаться. И это плавно отсылает нас к проблеме масштаба, третьему возражению интуитивного определения естественности.

Зададим себе следующий провокационный вопрос. Насколько нормально насилие? Разумеется, первым вашим ответом будет – если, конечно, вы проживаете в так называемых цивилизованных странах, да и то ограниченных Западом и теми местами, где придерживаются сгенерированных им ценностей – тот, что оно не натурально – или же крайне нежелательно. Мы не должны причинять друг другу вред – особенно телесный, но и все прочие тоже – а потому оно неверно – это если вы будете спокойны. Но так ли это в действительности? Ещё одна иллюстрация.

Во многих – но не во всех, что показательно и поучительно и не может не радовать – культурах нас убеждают в том, что мы моногамны по самой своей природе – или же так нам кто-то, не очень нас, видимо любящий, завещал. На этом настаивают воспитатели, родители, педагоги, учёные, политические деятели и все остальные – исключения редки, но только в коммуникационной плоскости. Однако зачем тогда столь обширное законодательство, регулирующее данную сферу нашей жизни? Почему вокруг полно внебрачных детей и измен? Отчего вещать об этом на каждом углу, если и так всё понятно?

Как в первом, так и во втором случае мы выдаём – если делаем это вообще, надо признать, что не все общества придерживаются подобных мнений – желаемое за действительное. К сожалению – если кому-то не нравится – люди склонны к агрессивному поведению, а также к промискуитету, что и выливается либо в причинение насилия, либо в адюльтер и сопряжённые с ними вещи.

Никто не станет спорить с тем, что наносить какой-либо урон другому – а тем более, если мы являемся объектом воздействия – а также предавать доверие близкого человека не очень хорошо – впрочем, всё вытекает из отношения и предпочтений. Тем не менее, это не означает того, что подобные поступки нефункциональны и неоперациональны. При определённых обстоятельствах они могут быть даже полезными и желанными, а то и вовсе востребованными со стороны общества – и личности тоже.

Так, скажем, в некоторых культурах практикуются ритуальные бои – например, в русской в прошлом ходили стенка на стенку и били друг другу лица – и многожёнство – есть и случаи с несколькими мужьями, в основном родными братьями, но они редки – так что говорить об универсальности моногамности и некоей мифической доброй нашей природе – как об этом пишет С. Пинкер, с которым мы ещё не раз встретимся ниже – не приходится. Всё, как и всегда и везде, зависит от контекста, а он порой вынуждает нас совершать то, что мы не считаем правильным или оправданным – глядя, разумеется, извне, но не пребывая внутри, во втором случае всё воспринимается нормально. Однако при тут естественность и проблема масштаба? Связь в действительности более прямая, чем кажется.

Можно долго спорить о том, реальна ли глобализация или нет и каково её влияние на нас. Если мы предположим, что она носит универсальный характер и на всех воздействует более или менее одинаково, то мы вправе ожидать, что однажды она породит общую для всех нас культуру. На самом деле это будет плохо, потому что из всего потенциального набора воззрений мы в итоге выберем лишь скромную их часть, но это уже в некоторой степени произошло в науке, в политике, в международных отношениях, а также в области прав и свобод человека, и вряд ли кто-то станет спорить с тем, что мы не должны были достичь согласия в этих сферах нашей жизни. Как бы то ни было, но для разнообразия это не очень хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.